

Уйвэнь Юэ не испытывал недостатка в талантах к стрельбе из лука, но вот обучение верховой езде далось ему с некоторым трудом.

В этом он мог винить только самого себя.

В тот день Се Жан отвел его выбирать коня. Среди десятков тщательно вышколенных ахалтекинцев это маленькое августейшее лицо упрямо ни на кого не захотело смотреть, а вместо этого приглянуло себе доставленную во дворец совсем недавно и еще не обездвиженную дикую лошадь из Западного Края.

Эта лошадь находилась во дворце уже полмесяца, и никто не смел на нее садиться — всякого, кто пытался, она тут же сбрасывала. В Управлении императорских конюшен не знали, как и быть, и едва не собирались отправить эту лошадь за пределы дворца.

Но это лишь раззадорило юношу.

Спустя несколько дней толком заниматься привычными делами он перестал, а все время тратил на укрощение строптивого жеребца.

У края поля для поло и скачек был временно разбит походный шатер, и Се Жан, устроившись в мягком кресле, покрытом звериными шкурами, читал книгу. Чан Дэчжун опустил тяжелую пологую шатра и сел рядом с ним на корточки:

— Господин Се, если Его Величество и дальше продолжит в том же духе... разве это годится?

Се Жан склонил голову набок и поднял на него взгляд:

— А почему нет?

Чан Дэчжун хотел что-то сказать, но замялся.

В такую-то метель, на таком морозе Его Величество все еще пропадает на улице, укрощая коней, и за полчаса уже несколько раз вылетел из седла.

Разве это дело?

— Я только что сам спросил его, он ведь по собственной воле настаивал на том, чтобы поехать.

Се Жан пристально посмотрел на пляшущие язычки пламени в стоявшей у ног жаровне и слегка улыбнулся:

— Эх вы... вы все его недооцениваете.

В конце концов, он — главный герой книги, разве могут какие-то трудности его остановить?

Се Жан продолжил чтение. Дочитав оставшуюся половину книги, он закрыл ее, как вдруг из-за полога шатра донеслись радостные возгласы.

Они с Чан Дэчжуном переглянулись, поднялись и вышли наружу.

С неба все еще падал снег, укутав землю тонким белым покрывалом. Десятки стражников и евнухов столпились у края ипподрома, охваченные живым и радостным воодушевлением.

На скаковом поле клубилась пыль, а юноша в темно-красных одеждах для верховой езды, крепко сжимая в руке поводья, мчался во весь опор. Дикий ветер растрепал его волосы, и в его бравой осанке уже не составляло труда разглядеть будущую статью и величественное достоинство.

Вот так-то лучше.

Подумал про себя Се Жан.

Именно таким и описывался в книге юный Сын Неба, которому в будущем предстояло командовать тысячами армий, одерживать победы в любых сражениях и наводить ужас на хунну.

Уйвэнь Юэ проскакал по кругу несколько раз и в конце концов остановился прямо перед шатром.

— Ну как?

Щеки юноши слегка покраснелись, в уголках глаз искрилось торжество, а от всего его облика веяло необычной для прежних дней удалью.

Только что покоренный конь явно еще не набегался вволю и недовольно фыркнул.

Се Жан поднял на него голову.

Этот участок пастбищ принадлежал Управлению императорских конюшен: помимо разведения и тренировок лошадей, здесь была расквартирована ровно половина из трех лагерей и двенадцати страж Уйвэнь Юэ.

Все эти дни они своими глазами наблюдали за тем, как юноша укрощал свирепого скакуна.

Хотя военная власть над стражей сейчас находилась в руках Се Жана, в управлении войсками никогда не имела решающего значения та маленькая военная бирка.

Куда важнее были человеческие сердца.

Уйвэнь Юэ заглянул в глаза Се Жану и вдруг отчетливо понял, чего тот добивается.

И впрямь, молодой человек засучил широкие рукава своих одеяний и с глубоким уважением отвесил Уйвэнь Юэ поясной поклон:

— Поздравляю Ваше Величество с укрощением славного скакуна!

Толпа тут же опустилась на колени, в один голос прокричав:

— Поздравляю Ваше Величество с укрощением славного скакуна!

Многочисленные раскаты приветственных криков, зародившись у самого шатра, мгновенно пронеслись над всем пастбищем.

.

Снегопад усиливался, и Се Жан вместе с Уйвэнь Юэ вернулись в шатер переждать ненастье.

За несколько дней тренировок тело Уйвэнь Юэ покрылось синяками и ссадинами, а сегодняшнее падение и вовсе оказалось тяжелым.

На этом красивом лице тоже красовались следы ушибов, а огромный сине-багровый кровоподтек над бровью выглядел особенно вызывающе.

Юному Сыну Неба редко доводилось выглядеть столь жалко; его вид был одновременно и горестным, и комичным, так что Се Жан не удержался и задержал на нем взгляд.

Уйвэнь Юэ недовольно поморщился:

— Чего уставился?

— Ничего, кто же посмеет смеяться над нашим Вашим Величеством? — Се Жан слегка кашлянул, смочил в воде полотенце и собрался вытереть ему лицо.

Юноша отпрянул в сторону:

— Я сам.

Се Жан протянул ему ткань.

Поскольку он сам только что немного промок под снегом на улице, лишь оказавшись внутри, он сообразил, насколько сильно промерзло все его тело, и поспешил вернуться к жаровне, чтобы погреться.

Уйвэнь Юэ умылся и обернулся, но его движения внезапно замерли.

Юноша кутался в меховые одежды, причем воротник с пушистой опушкой полностью закрывал ему шею, отчего он казался сжавшимся в кресле пушистым комочком. Он протянул руки к жаровне, и отблески пламени озаряли то необыкновенно красивое лицо, а точеные кончики пальцев казались вырезанными из прекрасного нефрита — тонкими и бескровными.

— Чего застыл? — окликнул его Се Жан. — Иди сюда, погрейся.

Уйвэнь Юэ тихонько отозвался и присел рядом.

В шатре какое-то время было слышно лишь потрескивание горящих дров. Наконец Уйвэнь Юэ заговорил:

— Только что... спасибо тебе.

Се Жан лишь покачал головой:

— Я ведь ничего не сделал, за что Ваше Величество меня благодарит?

— Ты сам выбрал коня, сам захотел его укротить. Они подчиняются тебе, и это никак не связано ни с кем другим, — голос Се Жана звучал мягко, а в глубине его глаз плясали искры огня. — Ты это заслужил.

Уйвэнь Юэ пристально посмотрел на него и тихо спросил:

— Поступая так, ты тоже пытаешься завоевать мое доверие?

Се Жан ответил:

— Хм, пожалуй.

На самом деле он не замышлял ничего подобного.

Если в отношениях между людьми постоянно вычислять выгоду и преследовать скрытые цели, от этого можно смертельно устать.

К тому же, вероятно, всё дело было в том, что маленький император по возрасту был близок к его прежним ученикам, а поскольку он сам как раз занял должность Императорского наставника, то неизменно и бессознательно перенимал на себя роль учителя.

Быть хорошим наставником для своих учеников — самое естественное на свете дело.

Се Жан отбросил лишние мысли и улыбнулся:

— Так что, Ваше Величество, теперь вы готовы мне довериться?

Уйвэнь Юэ на мгновение ослепила эта улыбка, он слегка растерялся, а затем поспешно отвернулся:

— По... посмотрим на твое поведение.

Глава 7

На следующий день академик Ханьлиня, как обычно, прибыл во дворец читать лекции Уйвэнь Юэ. После полудня Сюнь Шэн принес с собой вино и закуски и пригласил Се Жана составить ему компанию за питьем в императорском саду.

Беседка со всех сторон была занавешена плотными шторами, защищающими от ветра, а Се Жан даже распорядился принести и поставить у самых ног три жаровни. Дрова в них горели так жарко, что в этой беседке стало ничуть не холоднее, чем в комнате.

Сюнь Шэн молча наблюдал за тем, как тот устраивает все эти приготовления, и с удивлением произнес:

— Раньше за тобой не водилось такой боязни холода.

Се Жан прижимал к груди грелку для рук и невозмутимо ответил:

— Годы берут свое, тело уже не то, что прежде.

<http://bllate.org/book/26021/3115781>